

С. В. Кученатова S. V. Kuchepatova
(Санкт-Петербург) (Saint Petersburg)

**Югославские дневники V. E. Gusev's Yugoslavian
В. Е. Гусева. 1962–1994 diaries. 1962–1994**

Аннотация

В статье рассказывается о неизданных дневниковых записях В. Е. Гусева, которые он вел с 1962 по 1994 г. во время своих поездок в Югославию на международные съезды славистов и конгрессы фольклористов Югославии. Дневники представляют собой не только путевые заметки, описания памятников архитектуры, музеев, этнографические зарисовки, отчеты о работе конгрессов, но и отражают живую историю. В них описаны встречи с учеными (славистами и фольклористами), многие из которых являются теперь уже классиками.

Ключевые слова: В. Е. Гусев, Международный съезд славистов, Конгресс фольклористов Югославии, партизанские песни

Abstract

This article focuses on the unpublished diary written by V. Gusev from 1962 to 1994, during his trip to International congresses of Slavonic scholars and Congresses of folklorists of Yugoslavia. The diary is not only notes of a journey, descriptions of monuments, museums, ethnographic sketches, reports on the work of the Congresses but it reflects history in the making. The diary describes meetings with scientists (Slavonic scholars and folklorists) many of whom are now undeniable classics of science.

Keywords: V. Gusev, International congress of Slavonic scholars, Congress of folklorists of Yugoslavia, partisan songs

Во всех своих многочисленных поездках В. Е. Гусев вел подробные записи в путевых тетрадях (разрезанные надвое школьные тетрадки), которые он всегда носил в кармане. Из-за большого числа сокращений и почерка, и без того трудно читаемого, а здесь еще и беглого, расшифровать их практически невозможно. Однако описания поездок в Югославию (и только их) Виктор Евгеньевич сам расшифровывал и переписывал начисто — осталось несколько рукописных и машинописных экземпляров. Он хотел их сохранить и хотел, чтобы их когда-нибудь прочитали. Отдельные фрагменты из дневников были изданы¹. Всего по темам югославских поездок В. Е. Гусев опубликовал более тридцати статей и заметок в различных сборниках, журналах и газетах.

¹ См.: Гусев В. Е. Фрагменты из «Югославских дневников» (1962–1994) // Из фондов Кабинета рукописей Российского института истории искусств / сост. и отв. ред. Г. В. Копытова. Вып. 2. СПб.: ГИИИ, 2003. С. 184–206.

Дневники 14 поездок В. Е. Гусева на международные съезды славистов и конгрессы фольклористов Югославии охватывают период с 1962 по 1994 г. За эти годы он посетил различные области бывшей Югославии: Сербию, Черногорию, Македонию, Хорватию, Словению, Боснию и Герцеговину, Далмацию, Косово и Метохию. Некоторые поездки длились около месяца. Переписывал и сводил из записных книжек Виктор Евгеньевич уже в 1979–1997 гг. При этом зарисовки, географические схемы, библиографические заметки, списки сотрудников научных учреждений, адреса и т. п. сведения, содержащиеся в записных книжках, перенесены не были. Однако и в таком «урезанном» виде объем дневников составил около 20 а. л. Вообще же Виктор Евгеньевич неплохо рисовал. Он делал карандашные наброски памятников архитектуры, городских улочек (некоторые рисунки сохранились). В 1964 г. он делает зарисовки в монастыре Жиче: «Зарисовываю в дневнике маленькую изящную церковку, что стоит во дворе, близ большой [Церковь Св. Петра и Павла]. Алоиз Шмаус² хвалит и тут же приглашает сотрудничать в своем журнале».

Дневники представляют собой не только путевые заметки, описания памятников архитектуры, музеев, этнографические зарисовки, отчеты о работе конгрессов, но и отражают живую историю — это и сохранявшееся еще в 1960-е гг. ощущение «партизанского братства» европейских деятелей науки и культуры, многие из которых (как и В. Е. Гусев) были участниками Второй мировой войны и национального освободительного движения; и наступившее охлаждение в отношениях после событий в Праге; и национальные противоречия, постоянно проявляющиеся даже на международных встречах в интеллигентской среде; и разразившаяся в 1990-е гг. война в Югославии, и распад страны на отдельные государства.

В дневниках описаны встречи с учеными (славистами и фольклористами), многие из которых являются теперь уже классиками: Никита Ильич Толстой, Борис Николаевич Путилов, Изалий Иосифович Земцовский; Ежи Бартминьски (выдающийся польский фольклорист), Карел Горалек (чешский лингвист и фольклорист), Цветко Рихтман (академик, профессор Сараевской музыкальной академии), Блаже Конески (с именем которого связано становление и развитие македонского литературного языка), Голуб Добрашинович (работавший над изданием полного собрания сочинений Вука Караджича) и многие, многие другие.

Дневники неоднородны по стилю: отдельные отрывки можно считать образцами литературы, местами стиль становится сухим и почти протокольным. Иногда в свои дневники Виктор Евгеньевич помещает стихи, которые рождаются во

² Алоиз Шмаус (Schmaus; 1901–1970) — выдающийся немецкий славист и балканист, автор популярных учебников немецкого языка для югославов и сербскохорватского языка для немцев; исследователь языка, фольклора и истории южных славян. Избранные славистические и балканистические труды изданы в 4 томах, 1971–1976. Соредатор журналов «Welt der Slawen», «Zeitschrift für Balkanologie», «Slavistischen Beiträge», один из основателей и редакторов «Прилога проучавану народне поезије» (Белград, 1934–1939).

время его поездок. Например, в 1979 г. в Крагуеваце при посещении мемориала на месте расстрела детей в октябре 1941 г. В. Е. Гусев экспромтом написал стихи «Не надо выспренных речей!»³. Эти стихи были записаны в книге почетных посетителей мемориального музея Крагуеваца (среди автографов Иосипа Броз Тито и выдающихся государственных деятелей различных стран, поэтов, композиторов).

Официальная цель командировок — изучение партизанских песен. Эта тема прошла через всю научную жизнь Виктора Евгеньевича. Он был автором единственной монографии на русском языке о партизанских песнях⁴. Во все свои поездки в разные уголки Югославии В. Е. Гусев посещает места партизанских боев, музеи истории Национально-освободительной борьбы, мемориалы, разговаривает с людьми — бывшими участниками партизанских отрядов или их родными (они рассказывают о своих погибших в боях мужьях или сыновьях), живо интересуется ходом военных действий в тех местах. Партизанскому фольклору и эпическим песням была посвящена и последняя работа Виктора Евгеньевича — «Песни, записанные в Черногории»⁵.

Во всех поездках В. Е. Гусев старался, если только была такая возможность, поселиться не в гостинице, а в частном секторе (в «приватној соби»). Он просыпался очень рано — в 5–6 часов утра («у зору») и успевал до заседаний прогуляться по городу, пообщаться с местными жителями. Всюду старался «почувствовать внутреннюю, скрытую от глаз жизнь». Его дневниковые записи очень подробны. С равным вниманием В. Е. Гусев описывает погоду, архитектуру (старую и новую), одежду местных жителей, еду, транспорт, цены на рынке, беседы со случайно встреченными людьми (крестьянами, торговцами, официантами, попутчиками в транспорте, уборщиками, священниками). С людьми Гусев старается говорить на бытовые темы: «об их ремесле, об условиях труда и быта» (1962). Вот одна такая случайная встреча в городе Пераст на берегу Которского залива Адриатического моря: «Брожу один по склонам горы над городом. Старуха ищет корову и козу. Разговор о Боге, о дочерях, о... корове, о России — так, как если бы я повстречался с русской крестьянкой, — сразу нашли общий язык, поняли друг друга, прониклись полным взаимным доверием,

³ Опубликовано в: *Казаков В.* Избранное. СПб.: Петербургский канон, 1993. С. 58. Виктор Казаков — поэтический псевдоним В. Е. Гусева. В этом сборнике отражены и некоторые другие «югославские» стихотворения В. Е. Гусева, например написанное в 1972 г. «Маслины в Черногории» (с. 57).

⁴ В книге В. Е. Гусев выявляет жанровую систему и типологически сходные особенности содержания и художественной формы славянских партизанских песен. Используются русские (в основном смоленские и брянские), белорусские, украинские, польские, словацкие, болгарские, сербские, черногорские, боснийские, хорватские, македонские, словенские материалы. Все песни даны в переводах автора, ссылки на оригинальные тексты (для читателей, владеющих славянскими языками) указаны в примечаниях. См.: *Гусев В. Е.* Славянские партизанские песни. Л.: Наука, 1979.

⁵ Песни, записанные в Черногории // Гусев В. Е. Очерки славянской культуры: Письма. Статьи. Доклады. Полевые материалы / ред.-сост. С. В. Кучепатова. СПб.: РИИИ, 2012. С. 164–219.

и я помог ей разыскать среди скал и кустарника животных, и она на прощание („збогом!“) перекрестила меня, и мы разошлись так просто, как будто встретимся завтра...» (1969).

Однако далеко не все события оказались отражены в дневниках. Так, например, 13 октября 1999 г. на заседании памяти Б. Н. Путилова, состоявшемся в Российском институте истории искусств, В. Е. Гусев вспомнил эпизод, который в дневники не попал. В 1966 г. вместе с Б. Н. Путиловым и Н. И. Толстым они участвовали в XIII Конгрессе фольклористов Югославии, который проходил в Македонии, на границе с Грецией. Однажды во время прогулки по берегу Дойранского озера они «так увлеклись, что незаметно пересекли македонско-греческую границу. И только когда нас встретили уже греки и тоже угостили розовым виноградом, мы поняли, что, кажется, что-то такое не то сделали. Но мы как-то так пошутили на неизвестно каком языке, потому что язык у нас отнялся, прямо скажем; повернули назад и в общем благополучно вернулись на ту землю, которая нас приютила»⁶. В те годы подобный случай (советские граждане перешли границу капиталистического государства) мог иметь неприятные последствия, и в своих записных книжках В. Е. Гусев об этом происшествии умолчал.

Первая поездка состоялась в июле–августе 1962 г. В течение месяца в Задаре (Хорватия) проходил семинар славистов, на котором проводились занятия по сербскохорватскому языку («хорватскосербскому (!)», как его называл М. Храсте⁷). В. Е. Гусев воспользовался возможностью усовершенствовать знание языка и записался в группу «средних». Факультативно проходили занятия словенским и македонским языками. В. Е. Гусев замечает, что его прежнее знание (в МИФЛИ Гусев проходил курс славянской филологии у А. М. Селищева⁸) — книжное, хотя из дневников ясно, что он разговаривает с жителями по-сербски. Некоторые записи в дневниках Гусев делает на сербскохорватском языке (латиницей и кириллицей), вставляет отдельные слова из южнославянских языков (при переписке Гусев не стал их переводить, а сделал «Словарь встречающихся в русском тексте сербскохорватских, словенских и македонских слов, не объясненных в самом тексте»). В 1967 г. о своем выступлении на XIV Конгрессе фольклористов Югославии В. Е. Гусев отмечает: «Свой доклад читаю на серб-

⁶ Воспоминания о Б. Н. Путилове // Традиционная культура: Поиски. Интерпретации. Материалы: Сборник статей по материалам конференции памяти Л. М. Ивлевой. СПб.: РИИИ, 2006. С. 237–238.

⁷ Мате Храсте (Hraste; 1897–1970) — выдающийся хорватский лингвист, специалист по хорватской диалектологии, академик, профессор Загребского университета. Редактор «Hrvatski dijalektološki zbornik» (Knj. 1 — 1956; Knj. 2 — 1966), член комиссии по хорватскому правописанию. Соавтор чакавско-немецкого словаря (1979) и «Грамматики хорватскосербского языка» (1970).

⁸ Афанасий Матвеевич Селищев (1886–1942) — российский филолог, член-корреспондент АН СССР (с 1929) и Болгарской АН (с 1930). Автор ряда работ по этнографии, истории и литературе славян, начал исследования по сравнительной грамматике славянских языков и по македонской диалектологии (Очерки по македонской диалектологии. Т. 1. Казань, 1918).

скохорватском языке. <...> Выступаю в дискуссии на сербскохорватском языке». «Книжность» сербского языка у Гусева была явно преувеличенной. В 1969 г. в Дубровнике Гусев записывает: «Кафана, где нет еще туристов и где все заполнено „простым людом“ — едят впрок. Шумно, дымно. Споры. Одно это утро стоит многих дней: вот она — подлинная жизнь, жизнь не напоказ, не для заезжих гостей со всего света, а повседневная жизнь приморского города. И на меня никто не обращает внимания, и я — как один из этих рыбаков, виноградарей, ремесленников — примостился у деревянного стола, заказал то же, что и они, и разговорился с соседом... Оказывается, я не так плохо говорю по-сербскохорватски: не сразу догадывается, что я — иностранец, узнав, что — русский, успокаивается». Надо отметить, что Виктор Евгеньевич хорошо владел и другими славянскими языками. Впрочем, не только славянскими... «Поезд Сараево–Плоче. Сажусь у окна. Напротив меня — пожилой австрийский немец с большим старомодным чемоданом, клетчатой сумой и фотоаппаратом, проводящий летний отпуск на островах (рыболов). Изъясняется на чудовищном сербском языке. Я лучше понимаю его, когда он говорит по-немецки. Приходится быть переводчиком между ним и компанией местных строителей-сербов, которые заполняют все купе (шум, смех и табачный дым)» (1967). «Аэропорт <в Дубровнике>. Чашка чая. Молодой парижанин — мой сосед. Говорю по-французски. Понимаем друг друга» (1969). И через несколько дней: «Я и итальянский коллега... идем в ближайшую деревню — разговариваем по-французски и привлекаем любопытное внимание крестьян» (1969).

Югославские дневники интересны своими деталями, вниманием к разным аспектам жизни. Они охватывают чуть более тридцати лет, и за эти тридцать лет многое менялось: менялся облик городов, менялись вкусы, менялись взаимоотношения.

Особо остро В. Е. Гусев реагирует на национальные отношения, которые казались ему в Югославии решенными. Поэтому он чутко отмечал возникающие разногласия, которые впоследствии привели к катастрофе. «Чехи „недипломатически“ говорили о современной Югославии...» (1962). «Столкновения между македонцами и... сербами! Самое отрадное — ни тени вражды между македонцами и болгарам. Напротив, последние говорят о специфике македонского фольклора (!)» (1966); и тут же, через несколько дней, записывает: «Как грустно, что общее наследие болгар и македонцев становится яблоком раздора между ними!»

В 1967 г. В. Е. Гусев посещает Грачаницу и Косово поле. «Пытаясь заглянуть внутрь мавзолея, сильно ударяюсь о железный прут, торчащий в окне. Ибровац⁹ шутит: „Мертвый турок мстит русскому юнаку“». А вот уже 1969 г. В. Е. Гусев

⁹ Миодраг Ибровац (1885–1973) — крупнейший югославский специалист по романской литературе, профессор Белградского университета, автор сравнительно-исторических исследований, работ о Копитаре и Вуке Караджиче, о литературно-фольклорных связях (монография «Клод Фориель и народная поэзия греков и сербов», на фр. яз. (Paris, 1966)).

едет на XVI Конгресс фольклористов Югославии. События Пражской весны 1968 г. наложили свой отпечаток на человеческие и научные взаимоотношения: «Утром новые встречи. Чехи — Маркл, Ландова. Откровенный разговор. Накануне Ева Врабцова демонстративно не ответила на мое „Здравствуй“... Эти же двое доверяют мне и все понимают...»

«За одним столиком — Поленакович, Динеков...¹⁰ (болгары и македонцы!!!). Получилось это как-то невольно, может быть, благодаря тому, что те и другие присоединились ко мне, и я опасался натянутости, но, к удивлению, они беседовали мирно и даже любезно, расспрашивая друг друга об общих знакомых, — видимо, сами были рады случаю получить информацию» (1976). На XXIX Конгрессе фольклористов Югославии в 1982 г. в Сплите (Хорватия) Гусев отмечает очередной конфликт между хорватской и сербской делегацией: «О, этот „спор славян между собой“! На том же конгрессе: «Лейтмотив речи Безича¹¹ — „наш конгресс“ (идея содружества всех республиканских обществ фольклористов — очевидно, реакция на центробежные тенденции и ответ на сепаратистские реплики во время заседания оргкомитета)».

Меняются не только национальные, но и просто человеческие взаимоотношения. В 1970 г. XVII Конгресс фольклористов Югославии проходит в Порече (Истрия); встреча со старыми знакомыми: «Объятия, поцелуи, расспросы, но... без прежней сердечности (или мне показалось?)». А вот заметка о XIX Конгрессе фольклористов Югославии (1972 г.): «Мне почему-то показалось, что на этот раз на Конгрессе не было той атмосферы дружного сотрудничества и сердечности, той праздничности, как на предыдущих конгрессах. Ощущались разобщенность и „натянутость“ во взаимоотношениях. И какие-то хорошие традиции прервались („друштва“ с застольными песнями и коло — в неофициальной обстановке, не за общим праздничным столом в день завершения работы, а те ежевечерние встречи в погребках, где так непринужденно все себя держали, где было столько веселья и разговоров по душам). Что тому причиной?»

Но сменилось и поколение ученых. В. Е. Гусев замечает в 1976 г.: «...в Институте народного искусства [в Загребе] — смена поколений, ему угрожает слияние с другим каким-нибудь институтом или превращение в институт культуры (фак-

¹⁰ Харалампие Поленакович (1909–1984) — македонский литературовед, профессор филологического факультета Скопленского университета, автор более тысячи публикаций. Петр Динеков (1910–1992) — болгарский литературовед, критик, фольклорист; академик Болгарской академии наук (с 1966); профессор Софийского университета; директор Института фольклора БАН. Соч.: *Стара българска литература* (ч. I, II; 1950, 1953); *Между фольклора и литературата* (1978); *Проблеми на старата българска литература* (1989).

¹¹ Ерко Безич (Bezić; р. 1929) — загребский фольклорист-музыковед. В 1958–1964 гг. — сотрудник Института искусств и науки в Задаре, в 1964–1999 гг. работал в Загребе в Институте народного искусства (ныне Институт этнологии и фольклора). В 1968–1972 и 1982–1983 гг. председатель Хорватского общества фольклористов.

тически). [Это и произошло в 1977 г. Институт превращен в “Zavod” при Институте филологии и фольклористики]¹²».

Со сменой поколений меняется руководство Союза фольклористов Югославии. На XXIII Конгрессе (1976) Виктор Евгеньевич записывает: «Последнее пленарное заседание... Осталось не более 25 человек — как это необычно и не похоже на предыдущие конгрессы! Какой-то неуправляемый процесс дезинтеграции происходит в Союзе фольклористов, многих не удовлетворяет сама организация конгрессов, а главное — ослабели те узы дружбы и личной привязанности, которые сплачивали ядро основоположников Союза и его ветеранов. В среднем и молодом поколениях пока не находится таких деятелей, которые предложили бы новые формы работы и составили бы новое ядро». «После ужина — дружеские „посиделки“ в кафе. В отличие от прошлых конгрессов, когда все собирались за общим большим столом, здесь все разбиты на небольшие группы (в основном — по „земляческому“ принципу). Нет общей беседы, пения — всего, что так согревало душу на других конгрессах» (1982). В 1987 г. на XXXIV Конгрессе фольклористов Югославии В. Е. Гусев уже единственный представитель СССР.

Поездка на конференцию «Магическое и эстетическое в народном искусстве балканских славян» состоялась уже в 1993 г., во время войны в Югославии (1991–1995). Отъезд на конференцию совпал по времени с событиями в Москве в октябре 1993 г. — расстрелом Белого дома. Уже в поезде, во Львове, приходят известия о «подавлении Октябрьского путча», как это тогда называли. «Я еду совсем в другую страну, нет той, которая представлялась моему романтическому взгляду как общество, где осуществился идеал интернационализма, „братства и единства“ всех народов, где, казалось, был решен проклятый „национальный вопрос“. Мучительно думаю об этом, понадобится еще трезвый анализ исторических и социальных причин кризиса системы и бесчеловечных форм процесса ее распада... <...> По горькой иронии истории, последний Конгресс фольклористов Югославии (37-й) состоялся осенью 1990 г. и проходил в Хорватии... под девизом дружбы народов... В последний раз собрались фольклористы из всех республик, пели песни и водили коло во время традиционной „другарской вечери“. Как они пережили эти страшные три года, все ли живы?» Друзья в Белграде встречают Виктора Евгеньевича радушно и хлебосольно, показывая верность сербской «угостительной» традиции. «Если не знать о реальном положении с продовольствием в Белграде, можно подумать, что ничего здесь не изменилось». На конференции ни одного хорвата и словенца. В Боснии и Герцеговине не утихают бои. «Включил свой портативный коротковолновый приемник и был ошарашен трагическим известием: сегодня хорватская артиллерия разрушила мост в Мостаре — этот уникальный памятник средневековой архитектуры, символ

¹² Институт народного искусства в Загребе был основан в 1948 г. С 1977 по 1990 г. он назывался «Zavod za istraživanje folklorea» (Институт исследования фольклора) при Институте филологии и фольклористики. Сейчас Институт этнологии и фольклористики.

самого города, воспетого Шантичем¹³. <...> Страшный акт современного вандализма». Возникли и разногласия с близкими друзьями, которые сравнили отношение к Сербии царской России начала прошлого века с «вероломством» демократической России конца XX в. «Даже в Белграде с Сараево нет ни почтовой, ни телефонной связи (об этом же мне говорили и члены Петербургского культурного общества „Югославия“ — единственного островка, где собираются эмигранты и их семьи из всех республик и где сохраняется дух партизанского братства и единства)» (1993). «И я, мысленно возвращаясь в эпоху освободительной борьбы сербов и в годы Второй мировой войны, когда Голуб¹⁴ в рядах партизан, а я — в составе добровольческой бригады сражались против общего врага, верю, что нас не разъединят политические недоразумения нынешних перипетий войны на Балканах» (1993).

Последняя поездка в Югославию состоялась в 1994 г. — на 24-ю Международную встречу славистов. Союз фольклористов Югославии к этому времени уже распался. «...А в Боснии идут бои, нападают сербы, а на Брчко — мусульмане и хорваты... В Сербии же спокойно, жизнь течет как обычно, в разных местах проводятся фестивали, традиционные праздники...»

С течением времени заметно меняются нравы. В 1962 г. участники семинара совершают на пароходке («пароброде») прогулку на пляж городка Београд-на-Мору: «Несмотря на жару, многие из нас не решаются раздеться, еще не привыкли друг к другу и чувствуют себя неловко. Лишь немцы — в шортах.купаются тоже не все и порознь, разумеется, мужчины отдельно от женщин. Разговоры — ученые». А вот уже прогулка катером («бродичем») Пореч–Ровинь в 1970 г.: «Острова с голыми мужчинами, женщинами, детьми, стариками — нудисты (впервые завели этот обычай французы лет шесть назад). О-в Куварсада около Врсара — „лежбище“ нудистов. <...> Пока наш „бродич“ медленно огибаает островки, проходя близ самого берега, нудисты, нимало не смущаясь, стоят во весь рост или картинно возлагают на скалах и смотрят в нашу сторону, некоторые улыбаются и машут руками. Мы, на палубе, смущены...»

Меняются мода и художественные вкусы. В 1976 г. Гусев описывает свое знакомство с уличным художником в Белграде: «Знакомлюсь со старым художником, родом из Боснии (Биелина) — партизанил, теперь живет в Белграде и зарабатывает на жизнь живописью — и реалистической, и „наивной“ (сам о последней говорит: „это — шунд“, но признается, что стал „наивцем“ ради денег, так как все иностранные туристы покупают именно это). И примитивизм становится модой и предметом стилизации в искусстве! Мой знакомый — правоверный

¹³ Алекса Шантич (1868–1924) — сербский поэт, выходец из Мостара (Герцеговина).

¹⁴ Голуб Добрашинович (1925–2008) — сербский историк литературы, исследователь жизни и деятельности Вука Караджича и других деятелей сербской культуры. Участник народно-освободительной борьбы в годы Второй Мировой войны. Работал в Музее Вука Караджича и Досителя Обрадовича в Белграде, позже — старший научный сотрудник Архива Сербии, член редколлегии нового полного собрания трудов Вука Караджича, ответственный редактор 14-томного издания его переписки.

реалист, учился в Загребской академии, поклоняется Репину и... Шишкину, но ради моды ударился в примитивизм». В 1978 г. Гусев посещает Задар, в котором был шестнадцать лет назад, в 1962 г.: «Идем на рынок. В отличие от 62 г., когда здесь была настоящая выставка прекрасных изделий народного ремесла, теперь — страшная безвкусица, нагромождение псевдонародных сувениров. Грубые подделки, лак. Настоящий „шунд-фольклоризм“!»

Сам участник Великой Отечественной войны, В. Е. Гусев особенно чувствует родство с теми фольклористами своего поколения, которые тоже прошли военные испытания, кто искренне разделял коммунистические убеждения. Прочная дружба с этими людьми продолжалась на протяжении всей их жизни. «Днем — в Институте фольклора, беседа у Ч. Чамилова — старого революционера и борца, создавшего этот институт и собирающегося уйти на пенсию. Идем вместе с ним в Институт истории Македонии, знакомлюсь с его директором — Михаилом Апостольским¹⁵, тоже борцом и историком НОБ» (1966). «В прениях неожиданная взволнованная речь Савы Оровича¹⁶: „Октябрьская революция открыла новую эру... Великому Ленину слава“. Аплодисменты зала. Закончив речь, спускается со сцены, подходит ко мне, жмет руку. Я растроган, не знаю, как ответить на это выражение братских чувств, обнимаю этого славного старика» (1967). «Откровенный, по душам, долгий разговор с Майей Бошкович-Стулли¹⁷ о ее книге, о марксистской методологии в фольклористике, о современной югославской фольклористике. Она — умница и настоящая коммунистка» (1967).

Будучи убежденным коммунистом, В. Е. Гусев остро чувствовал начетничество: «Доклад Д. Недельковича¹⁸. Тенденция — подтянуть Караджича... к клас-

¹⁵ Михаил Апостольский (1901–1987) — участник Национально-освободительной войны, генерал; после Второй мировой войны — один из военных руководителей СФРЮ, в 1967–1983 гг. президент Македонской академии науки и искусства. В 1995 г. Военная академия в Республике Македония была названа «Михайло Апостольски».

¹⁶ Саво Орович (1888–1974) — генерал в период Второй Мировой войны, член Главного штаба Черногории, с 1942 г. — член Верховного штаба. Собиратель и исследователь фольклора. С. Орович сам играл на гусле и исполнял эпические песни. Соч.: Невесински устанак у песми и прози (1936); Ратни дневник: 1941–1945 (1972).

¹⁷ Майя Бошкович-Стулли (Bošković-Stulli; 1922–2012) — участница партизанского движения в Хорватии; выдающаяся хорватская фольклористка, долготелетний директор Института народного искусства в Загребе (1963–1973). В 1947 г. во время поездки в Ленинград познакомилась с М. К. Азадовским и В. Я. Проппом. Автор более 20 книг и многочисленных статей, лауреат Гердеровской премии (1991), главный редактор нескольких томов ежегодника «Narodna umjetnost». Соч.: Istarske narodne price (1959); Narodnee pske pjesme. Knj. 2 (1964); Usmena književnost (1971); Usmena književnost kao umjetnost riječi (1975); Usmena književnost nekadidas (1983); Usmena pjesni štvotu obzoru književnosti (1984); O usmenoj tradiciji i o životu (1993); Priče i pričanje: Stoljeća Usmene Hrvatske proze (1997); Od bugarštice do svakidašnjice (2005).

¹⁸ Душан Неделькович (1899–1984) — философ, этнолог, фольклорист, академик. Участник партизанского движения, член КПЮ, после войны председатель Государственной комиссии по установлению преступлений оккупантов и их пособников. Неоднократный председатель Союза фольклористов Югославии, с 1980 г. — почетный председатель Общества фольклористов Сербии, главный редактор журнала «Народно стваралаштво. Folklor».

сикам марксизма...» (1964); «Открывая конгресс, Неделькович что-то едва слышно бормочет. Ничего от обычной для него самоуверенности. Разобрать, что он говорит, невозможно. Улавливаю лишь слова о значении Октября для развития науки в международном масштабе» (1967).

Так же остро В. Е. Гусев чувствует мешанство и у своих коллег, и у незнакомых людей. После разговора в отеле с торговым работником он замечает: «Неискренне, с ложным пафосом говорит об успехах Югославии. Этот тип хорошо приспособился к экономической системе страны» (1972).

Виктор Евгеньевич описывает шедевры архитектуры, современные памятники, но также и неудачные образцы: «Дом культуры [в Призрене]. Бронзовый бюст Тито (безвкусица)» (1967). В Титово-Ужице «ярко освещенная знакомая площадь с монументальным, но безвкусным памятником Тито (бесформенная масса корпуса — шинель, скрывающая линии тела и непропорционально маленькая голова)» (1979).

Надо сказать, что живой интерес к партизанскому фольклору, идеологические убеждения были у В. Е. Гусева абсолютно искренними, никак не связанными с карьерой или другими корыстными мотивами. Во многом (или целиком) это уходит в его военную биографию. Он никогда не рассказывал о войне, но никогда и не скрывал своей службы. Виктор Евгеньевич ушел на фронт добровольцем в июне 1941 г., закончив 4-й курс Московского института философии, литературы и истории им. Н. Г. Чернышевского, и демобилизовался только в ноябре 1945. Он был зачислен в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (легендарный ОМСБОН — спецназ НКВД), прошел путь от рядового до командира отделения, замполитрука роты, комсорга батальона и полка, парторга особого отряда. Участвовал в боевых операциях под Москвой, в боях на Курской дуге, Третьего Белорусского фронта, защищал Литву, Польшу, был награжден медалью «За оборону Москвы» (1941), медалью «За отвагу», орденом Отечественной войны.

Документы по истории ОМСБОН закрыты до сих пор, но в 1980–1990-е гг. в печати появилось довольно много воспоминаний, так что общую картину мы можем для себя составить. По воспоминаниям П. А. Судоплатова¹⁹, главными задачами Особой группы были: «ведение разведопераций против Германии и ее сателлитов, организация партизанской войны, создание агентурной сети на территориях, находившихся под немецкой оккупацией, руководство специальными радиоиграми с немецкой разведкой с целью дезинформации противника»²⁰. ОМСБОН был призван стать ядром развертывания партизанского движения на оккупированных территориях, создавать подполье в городах. Бойцы должны

¹⁹ Павел Анатольевич Судоплатов (1907–1996) — советский разведчик-нелегал, диверсант, генерал-лейтенант. В годы Великой Отечественной войны возглавлял 4-е (партизанское) управление НКВД, в состав которого входил ОМСБОН.

²⁰ Судоплатов П. А. Разведка и Кремль (Записки нежелательного свидетеля): Рассекреченные жизни. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=160363&p=38>. — Дата обращения: 15.05.2019.

были обладать определенными личными качествами, а именно уметь самостоятельно принимать решения, поскольку им предстояло действовать группами и в одиночку за линией фронта. Все бойцы проходили серьезную спецподготовку. Уже в июне 1941 г. «под Москвой... начал собираться необычный отряд. Необычный, поскольку звучали в его рядах самые различные языки — испанский, чешский, словацкий, венгерский, болгарский, немецкий...»²¹ Тут собрались испытанные антифашисты, в том числе прошедшие Гражданскую войну в Испании. К ним присоединились спортсмены, прославленные мастера спорта... боксеры, стрелки, лыжники, выпускники института им. Лесгафта, цвет спортивного общества „Динамо“... Нужны были и знатоки языков, и физически крепкие воины. 150 добровольцев прислал Институт физической культуры, около 30 человек — Московский институт философии, литературы и истории (МИФЛИ)»²². Среди этих тридцати ифлийцев были В. Е. Гусев, Семен Гудзенко — известный как военный поэт, и другие. В отрядах их в шутку называли «философами».

Бригада выполняла особые задания на всех фронтах, от Прибалтики до Крыма и Кавказа, от Белоруссии и Украины до Польши, Словакии, Югославии.

В обороне Москвы омсбоновцы выполняли роль заградотрядов, минировали объекты, совершали рейды за линию фронта. 7 ноября 1941 г. сводный батальон ОМСБОН принял участие в параде на Красной площади. В югославских дневниках В. Е. Гусева в записи 1994 г. появляется странная на первый взгляд ассоциация: золотая осень за окном поезда Москва–Белград, Брянщина, «Шумел сурово Брянский лес...», и затем рождаются стихи: «А за Сухиничами — сухие леса, / Петляет подлеском рыжая осень-лиса...» Это тоже связано с историей ОМСБОН. 18 января 1942 г. около 300 омсбоновцев были брошены в район города Сухиничи Калужской области, где была блокирована крупная группировка немецких войск. Была поставлена задача перейти линию фронта и вести диверсионную работу в тылу противника, следующей задачей был выход к лесам Брянской области для связи с действовавшими там партизанами. Известен один из эпизодов: в ночь с 22 на 23 января один из отрядов ОМСБОН в 27 человек вступил в бой с немецкой группировкой численностью около 400 человек. Из 27 человек в живых осталось пятеро. У немцев потери были огромными²³. В операции под Сухиничами принимал участие С. Гудзенко. Был ли там В. Е. Гусев — нам неизвестно, но об этих боях, судя по всему, он хорошо знал.

²¹ Активное участие в формировании бригады приняли видные деятели Коминтерна, находившиеся в то время в Советском Союзе: Георгий Димитров, Вильгельм Пик, Морис Торез, Пальмиро Тольятти, Хосе Диас, Долорес Ибаррури, Клемент Готвальд, Йоганн Коплениг, Гарри Поллит.

²² *Примаков Е. М.* Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. Т. 4: 1941–1945. М.: Международные отношения, 2014. URL: <https://www.libfox.ru/582943-evgeniy-primakov-ocherki-istorii-rossiyskoj-vneshney-razvedki-tom-4.html>. — Дата обращения: 15.05.2019.

²³ В романе А. Иличевского «Анархисты» (2012) один из персонажей — черный копатель — говорит: «Под Сухиничами есть лес, где от костей белым-бело. Трехрядка „Жукова“, известное дело».

В. Е. Гусев принимал участие в битве на Курской дуге, там он вступил в ряды Коммунистической партии. Уже с весны 1943 г. омсбоновцы были заброшены за линию фронта, где они вели разведывательную и диверсионную работу. Все месяцы весны и лета 1943 г. командование получало от них сведения о расположении, передвижениях и численности немецких войск, благодаря этим сведениям готовилась Курская операция. После Курской битвы ОМСБОН практически не использовался в войсковых операциях. Их основной деятельностью стала работа в партизанских отрядах и подполье.

Кроме боевых действий, ифлийцы вели культпросветработу, участвовали в издании стенгазет, были постоянными корреспондентами бригадной газеты «Победа за нами». Правда, писали они под псевдонимами (псевдонимом С. Гудзенко было «П. Гузанов»), и каким именем мог подписываться В. Е. Гусев, нам неизвестно. В одном из воспоминаний нам все же встретилось имя В. Е. Гусева: «Политотдел организовывал по пятницам литературные вечера, на которых выступали с чтением своих произведений офицеры и бойцы ОМСБОНа, видные писатели, поэты, журналисты и литературные критики. Организаторами „литературных пятниц“ были воины-ифлийцы В. Гусев, Л. Розенберг, А. Саховалер»²⁴.

Военная биография В. Е. Гусева навсегда определила его интерес к партизанскому фольклору и фольклору Народно-освободительной борьбы. Его навыки бывшего военного разведчика проявились в умении легко налаживать контакт с людьми и в умении замечать и фиксировать детали (быта, поведения), что отразилось в Югославских дневниках. Мы надеемся, что когда-нибудь эти дневники найдут своего читателя.

Литература

Казаков В. Избранное. СПб.: Петербургский канон, 1993.

Воспоминания о Б. Н. Путилове // Традиционная культура: Поиски. Интерпретации. Материалы: Сборник статей по материалам конференции памяти Л. М. Ивлевой. СПб.: РИИИ, 2006. С. 234–241.

Гусев В. Е. Песни, записанные в Черногории // Гусев В. Е. Очерки славянской культуры: Письма. Статьи. Доклады. Полевые материалы / ред.-сост. С. В. Кучепатова. СПб.: РИИИ, 2012. С. 164–219.

Гусев В. Е. Славянские партизанские песни. Л.: Наука, 1979.

Гусев В. Е. Фрагменты из «Югославских дневников» (1962–1994) // Из фондов Кабинета рукописей Российского института истории искусств / сост. и отв. ред. Г. В. Копытова. Вып. 2. СПб.: ГИИИ, 2003. С. 184–206.

²⁴ *Зевелев А., Курлат Ф.* Герои особого назначения. Спецназ Великой Отечественной. М.: Эксмо, 2013. С. 94.

- Зевелев А., Курлат Ф.* Герои особого назначения. Спецназ Великой Отечественной. М.: Эксмо, 2013.
- Иличевский А.* Анархисты. URL: <http://indbooks.in/mirror4.ru/?p=225143>. — Дата обращения: 01.06.2019.
- Примаков Е. М.* Очерки истории российской внешней разведки: в 6 т. Т. 4: 1941–1945. М.: Международные отношения, 2014. URL: <https://www.libfox.ru/582943-evgeniy-primakov-ocherki-istorii-rossiyskoy-vneshney-razvedki-tom-4.html>. — Дата обращения: 15.05.2019.
- Судоплатов П. А.* Разведка и Кремль (Записки нежелательного свидетеля): Рассекреченные жизни. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=160363&p=38>. — Дата обращения: 15.05.2019.